

А. С. Зильбер

«КАНТОВСКАЯ
ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ»
В «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ
ЛИБЕРАЛИЗМЕ»
ГЕРХАРДА¹

Дается интерпретация политических взглядов Иммануила Канта в «экзистенциальном либерализме» Ф. Герхардта. Рассматриваются в систематической взаимосвязи основные положения представленной в этой интерпретации кантовской «теории политики»; отмечаются моменты собственно интерпретации и дополняющей рецепции, проводится критический анализ некоторых выводов с точки зрения современных дискуссий о политических сочинениях Канта.

This article focuses on the interpretation of Immanuel Kant's political views in V. Gerhardt's "existential liberalism". The author considers the basic elements of the "theory of politics" presented in this interpretation, emphasises the components of interpretation per se and additional reception, and offers a critical analysis of certain conclusion from the general point of view of contemporary discussion on Kant's political works.

Ключевые слова: политика, свобода, природа, разум, публичность, право, мир.

Key words: politics, freedom, nature, reason, publicity, law, peace.

Современный либерализм в философии развивается в целом как модернизация классических либеральных учений Нового времени в ответ на появление «социального государства», с практикой которого не сталкивались представители прежних эпох. Внутренне либеральный лагерь далеко не однороден, общие признаки выделяются лишь в сравнении с коммуитаризмом и утилитаризмом. Даже в той линии, которая у классиков опирается в основном на идеи Канта, существует несколько различных направлений, представленных такими известными именами, как Роулс, Хабермас, Хёффе и др.

Объект данной статьи — сравнительно малоизвестный на Западе и еще меньше в России «экзистенциальный либерализм» берлинского профессора

Фолькера Герхардта. Зародившись в 80-х годах прошлого века, теория до сих пор развивается, и свое название она приобрела не сразу. В частности, «Экзистенциальный либерализм» — одна из недавних (2009) книг Герхардта [5], в которой одноименный параграф посвящен интерпретации концепции политики Карла Ясперса. Анализ экзистенциалистских корней этой теории выходит за рамки данной статьи; будет лишь отмечена ее специфика внутри либерализма в целом — главная задача состоит в поиске кантовских корней², их «объема» и места в указанной теории. Речь пойдет о системной трактовке и интерпретации политико-правовых идей в разных сочинениях Канта.

В первом приближении теория Герхардта интересна двумя взаимосвязанными аспектами. *Во-первых*, упомянутой «системной трактовкой», точнее качеством, приписываемым этой самой «системе». Автор отмечает, что в политической философии Кант известен прежде всего своим трактатом «К вечному миру», который воспринимается как ситуативный и ставится в ряд с другими «христианско-гуманистическими» призывами к миру от Эразма до Сен-Пьера и др. [6, S. 8]. В немалой степени об этом можно говорить применительно к сегодняшнему дню, а в строгом смысле данная ситуация продолжалась до 1929 года, когда Ю. Эббингхаус в сочинении о военных займах отчетливо показал актуальность поставленного Кантом вопроса о тесной зависимости внешнеполитического спокойствия от внутригосударственных политико-правовых условий [4]. Но «услышан» Эббингхаус был лишь в конце XX века. Несколько ранее политические идеи Канта удостоились внимания со стороны либералов: в теории Роулса — по проблеме легитимации, или «общественного договора» [8], и в неоконченных разработках Ханны Арендт³ [2; 3, S. 17]. Она не приняла правовые идеи Канта, мирный трактат сочла шуткой, но пыталась применить в политической философии «Критику способности суждения», тем самым затронув вопросы определения политики, ее сущности и специфики, ее целей и средств. Именно это — теорию политики и определение политического — Ф. Герхардт видит в трудах Канта и представляет нам. Таким образом, Кант оказывается в ряду классических теоретиков государства и права. *Во-вторых*, удивить может то, что эту теорию политики Герхардт обнаруживает прежде всего и более всего именно в кантовской концепции мира, в мирном трактате. Он напоминает, что согласно классическим теориям (упоминаются Платон, Цицерон, Августин, Макиавелли и Гоббс, Руссо) мир, пусть даже узко понимаемый (внутриполитический), является фундаментом возникновения государства и, следовательно, фундаментом политики [6, S. 27–31]. Заключительный параграф книги Герхардта, посвященный рассмотрению теории политики мирного трактата Канта [6], составляют 20 тезисов, объединенных под названием «Политика как самоопределение». Ниже представлена попытка их логического развертывания.

Сам автор выделяет три пункта политико-философской новизны мирного трактата [6, S. 9–10].

² Стоит отметить, что и сам Ясперс представил свой ответ на мирный трактат Канта отдельной статьей [7]. Таким образом, целесообразно искать влияние Ясперса на трактовку Герхардтом идей Канта. Можно надеяться, что такое исследование будет вскоре предпринято.

³ Также упоминаются Д. Штернбергер [9] и Э. Фольрат [10, S. 92].

1. Исходный пункт рассуждений — мировая политика, направленная на мир во всем мире, а не на умирение региональных конфликтов.

2. Средством для этого предлагается то, что предшествующая политическая философия рассматривала как действенное лишь внутри государства: *Рак Kantiana*, основываясь на разумном праве или правах человека, имеет целью реализацию международного права, которое действительно лишь в отношениях *правовых* государств.

3. Новая теория политического процесса, ставящая трактат Канта в ряд трудов по теории государства; Кант объявляет задачу политики, которую та должна решить.

Политика предполагает «высокодифференцированную форму человеческой совместной жизни» с заселением больших территорий, с транспортными путями, развитыми в торговом обмене, с разделением труда и элементарными формами права, довольно развитую культуру («широкую и глубокую») и ресурсы для институциональных гарантий прав и достижений.

«Основополагающая и решающая постановка цели политической деятельности состоит в том, что «государство — это сообщество людей, повелевать и распорядиться которыми не должен никто, кроме него самого» [6, S. 224].

Взяв за основу этот аргумент из мирного трактата [AA, VIII, S. 344], Герхардт приводит дополнительные аргументы для отказа Канта от идеала мировой республики в «Метафизике нравов» [AA, VI, S. 350]. «Естественное состояние» в отношениях между государствами, без сомнения, должно быть преодолено. Средство преодоления — то же, что применяется в основании государства, — право. Разница в том, что в момент основания мирного сообщества внутри каждого государства уже есть монополия на насилие — и на нее можно опираться как на ресурс соблюдения международного права [6, S. 93–94]. «Государство над государствами» необязательно и, возвращаясь к аргументам Канта, опасно. Союз исключительно миротворческий — субординации не нужно, хотя добровольное объединение государств (по Канту, для обороны) не следует запрещать. В этом пункте Герхардт расходится с теми концепциями мирового порядка, которые пытаются прежде всего преодолеть препятствия для интеграции с помощью разделения суверенитета. Впрочем, есть оговорка, точнее весьма вольное толкование запрета на всемирную республику: Кант «не иллюстрирует свой проект деталями», хотя мог бы это сделать для убедительности. Он оставляет практической политике всё, кроме определения главных принципов.

Субъект государственного самоопределения — *все граждане*.

Существует «зависимость», которая является общей всем подданным государственного организма... все затронуты в равной степени и, следовательно, также все в равной степени должны быть призваны к действию [6, S. 225].

Однако этой всеохватности, этой ответственности за всех как за самого себя может и не быть, мы даже можем уверенно добавить: она есть далеко не всегда.

При формировании сообществ может быть достаточно того, чтобы отдельные личности преследовали любые цели, возникающие из контекста их жизни. Но для построения политического объединения этого слишком мало. Здесь ин-

дивиды должны скорее иметь представления, явно относящиеся к целому их общества, и как минимум обещать, что они лично примут участие в их реализации... Общая политическая воля, тем самым, наличествует лишь постольку, поскольку в ней манифестирует себя *индивидуальное стремление* [6, S. 224 – 225].

Права не могут быть обоснованы без принципиального притязания требующих их индивидов. Возникает вопрос: всякое ли государство соответствует признакам этого «политического объединения»? Кант обосновывает потребность в общей воле для законодательной власти тем, что абстрактный субъект этой воли всегда принимает решения относительно самого себя – а такие решения не могут быть несправедливыми («не по праву») [AA, VI, S. 312 – 313]. Очевидно, трудность формирования этой общей воли решается с помощью представительства, о котором речь пойдет ниже.

Политика принадлежит к формам проявления человеческого бытия, она есть часть «жизненной взаимозависимости» [6, S. 223]. В круге функций самосохранения, самоорганизации и самоопределения политика должна соответствовать жизненным интересам людей, у которых она состоит на службе. То есть она имеет целью сохранение и развитие жизни, как ее представляют себе ее субъекты. «Предпосылается всему этому *телеологическое понимание* живой природы» с его концептом «гарантии процесса жизни... без которой занятие политикой бессмысленно» [6, S. 223].

Не только индивидуальное стремление манифестирует себя в общей воле, но и соглашение «о цели и критерии его политического поведения» должно быть основано на *представлении о самих себе*, иначе оно неэффективно [6, S. 227] – это расширяет и углубляет требуемую взаимосвязь индивидуального и общественного. Для формирования общих представлений и целей нужна сфера согласования – общественное пространство обмена мнениями и обсуждения планов действий, анализа интересов. Именно выступая здесь, граждане обретают свою самость, в особенности тогда, когда они говорят и действуют как представители других [6, S. 225]. Адекватность самооценки народа повышается в общении с другими народами. Во всем этом состоит основополагающая функция *гласности*, принадлежащей к базовым условиям политики.

Представляя себя в публичном пространстве, человек изменяет свое самопонимание. Он становится гражданином сообщества, в котором есть общие рамки проблем и поведения [6, S. 228]. Но приобретенные гражданские права легитимируются только посредством принципиального признания прав других; более того, осуществление этих прав – с поддержкой или допущением других – требует явного волеизъявления с их стороны. Самоопределение общества, в котором самопонимание связано со взаимными гарантиями, возможно только при правовых условиях. Политика настолько тесно вплетена в *право*, что она может быть названа «практикующей юриспруденцией» [6, S. 156 – 161].

Вместе с индивидуализацией своих прав личности должны рассматривать себя равными друг другу. И когда они это делают, они присуждают себе вместе с дееспособностью также и свободу, которую эта индивидуализация предполагает [6, S. 228]. Защита *достоинства* каждого отдельного человека должна быть внедрена в фундамент политической деятельности [6, S. 225]. Так мы приходим к естественному, *разумному праву*, или правам человека. Его исток – в понимании человеком себя как самостоятельного, действующего по своему усмотрению существа; это *разумное существо*, ко-

торое Кант кладет в основу своей философии морали и права. Самоопределение общества также характеризуется как самосохранение и самоорганизация на разумных условиях. Можно назвать права человека априорным условием [6, S. 228]. Однако исторически соответствующее представление о себе появилось на той «ступени развития культуры», на которой у людей и властей возникло «уважение к человечеству» [AA, VIII, S. 121]. Кант оставляет открытым вопрос, когда это произошло; но оно должно было произойти когда-либо в богатой конфликтами истории европейских государств. В Китае, как утверждает Кант, этой возможности ввиду отсутствия внешних врагов не существовало [AA, VIII, S. 121].

Самоопределение общества, его воля к распоряжению самим собой, должна быть выражена и исполнена в *государстве*, только оно может защищать права. В свою очередь соблюдение прав усиливает акцент на последовательном самоопределении. Государство только тогда может выступать органом выражения общей воли, когда эта воля репрезентуется представителями граждан, которые «заменяют обязанности» тех, чью волю они представляют. Формы государства отличаются именно по способам представительства общей (единой) воли. Исторически было возможно ссылаться на унаследованные права или сверхъестественные санкции, чтобы обосновать неравенство участия в политическом процессе. В трактате «К вечному миру» явно сказано, что закрепленные правами представительство осуществимо посредством системы ступенчатого выбора целей и лиц [6, S. 230; AA, VIII, S. 352].

Правда, в различении граждан государства на активных и пассивных модель Канта «тянет с собой остаток традиции, но он несущественен ввиду принципиального подчеркивания равенства людей, граждан государств и граждан мира. Вдобавок есть как гуманитарный, так и имманентно-юридический импульс к сглаживанию крайних социальных противоречий» [6, S. 230].

Герхардт, вслед за Кантом, выражает надежду на всеобщую активность граждан в исторической перспективе, пишет о необходимости реформ и вообще мер «сверху», способствующих активности, побуждающих к ней. Однако тот факт, что в практике демократизации граждан наделили правом политического выбора, не дожидаясь их «самостоятельности», остается без точной оценки, автор лишь декларирует необходимость сделать ее⁴ [6, S. 84–85]. Подобную двойственность можно найти и в сочинениях Канта. В трактате «Спор факультетов» высказывается, мягко говоря, сомнение как в желании народа просвещаться, так и в эффективности исходящих «сверху» «затей» по воспитанию и просвещению, и надежда возлагается только на некоторый здравый смысл и провидение, которые приведут к стабильному миру, а уже в нем возникнет справедливое государственное устройство [AA, VII, S. 92–93].

До сих пор самопонимание личностей и сообществ едва ли становилось объектом защиты. Кант предполагает, что так будет и впредь, определяющими для политики останутся основополагающий «антагонизм» природных сил и *напряженность* между притязанием на право и его реализацией [6, S. 230]. Отсюда политика черпает свою специфическую динамику, в ко-

⁴ Это можно признать решающим суждением, хотя за несколько слов до него позиция Канта названа историческим заблуждением.

торой она нуждается для постоянного сглаживания правовых притязаний. Субъектов «антагонизма» — людей — не следует уподоблять природным константам, это реальные исторические личности: политический расчет следует основывать не на вере в «постоянную и надежную» причинность природы, а на учете различных мнений и «смены генераций». Сохранение преемственности с предыдущими достижениями и обязательствами политики осуществимо только на пути *реформы* [AA, VII, S. 93; VI, S. 355]. Поэтому политика на основании своей собственной логики нацелена на реформы и предназначена для них [6, S. 230]. Она постоянно опирается на *исторические достижения* и результаты, предшествующие актуальному моменту и наличествующие в нем, и прокладывает мост от них в будущее. В качестве примера кантовского видения этого моста упоминаются трактаты «Идея всеобщей истории...» и «Предполагаемое начало...». Потребность в реформах усиливается экспоненциально вместе с индивидуализацией современного мира.

Во всем, что он делает для своего общества, политически активный субъект нуждается в квалифицированном знании стоящих проблем, которым невозможно обладать без опыта и способности суждения. И так как он функционирует главным образом в труднообозримых областях деятельности, где господствуют изменчивые мнения и постоянные столкновения интересов, для успеха ему нужна еще и порядочная порция благоразумия [6, S. 230]. Кант не делал подробный разбор и комментарий этих естественных дарований политика, тем более что благоразумие он находил широко представленным в политике. Но Герхардт отвергает сомнения в том, что Кант считает благоразумие обязательным; «правила политики» обладают собственным методологическим статусом между «юридически-практическими принципами», с одной стороны, и «происходящими событиями» — с другой [AA, VIII, S. 430]. Кант подчеркивает тот элемент, который он полагает наиболее недостающим в правлениях его времени, а именно *осознание предпосылок*, на которых покоится правовая общность. Политика требует прежде всего права и морали; но было бы абсурдом утверждать, что она есть не более или не что иное, чем право и мораль [6, S. 159, 197; AA, VIII, S. 369].

Все сказанное выше о политике предполагает беспорядок и противоречие жизни. Открытое самоопределение общества было бы ненужно, если бы индивиды всегда самостоятельно придерживались благоприятного для совместной жизни мнения, если бы каждый уже сам делал еще и то, что необходимо другим (или хотя бы не причинял им вреда). Но фактически почти во всех вопросах, которые затрагивают не только собственные интересы, господствует борьба. Преодолеть ее в интересах определенных приоритетных жизненных целей — исконная надежда политики [6, S. 231]. При этом политика с самого начала сознательно далека от того, чтобы оставить все столкновения в прошлом. Но политическое самоопределение возможно только там, где между участниками процесса царит мир. А так как самоопределение сообществ (и персон) всегда должно также обеспечивать основы их собственного существования, мир есть не только его условие, но и его цель [6, S. 70].

Самопонимание индивидов и их сообществ также всегда определено тем, от чего они должны себя удерживать и ограничивать. Но субъект, находящийся вне сообщества, — «ни в коем случае не абсолютно другой, чужой, варварский, также ни в коем случае не просто враг» [6, S. 229]. Ин-

дивид, принадлежащий к другому сообществу, всегда может быть понят и как *во многих отношениях равный*, а при известных условиях и как *по существу равный*. Тем более, чем больше есть общих проблем, одинаковых или близких трудностей. Чем теснее становится связь между различными обществами, образуется ли она культурой, понимаемой как единая (как в эллинизме и позже в христианском мире), или теснотой пространства, не позволяющей отдаляться друг от друга, тем богаче становится состав общих проблем. В этом положении находятся общества в современном мире. Правовые притязания граждан выходят за территориальные пределы самоорганизующихся политических сообществ. По оценке Герхардта, уже во времена Канта была историческая ситуация, в которой граждане государств всегда могут вести себя и как *граждане мира*.

Глобальная теснота (Enge) сообщества государств ведет к тому, что обеспечение политической дееспособности не может больше достигаться только посредством улаживания конфликтов в одном государстве. Вдобавок усиливается притязание персон на индивидуальные права, которое теперь выражается по-общечеловечески. Эти две силы заставляют носителей политической воли, в конце концов, рассматривать внешние обстоятельства деятельности наравне с внутренними [6, S. 232]. В кантовском проекте это фиксируется в заметках о мировой торговле и международном кредитном обращении, но есть и культурная, и правовая взаимозависимость. Мир теперь — не только внутренняя предпосылка политического действия, скорее он становится общим условием политики вообще, приобретает глобальное измерение. Будущая политика суверенных государств — *внутренняя мировая политика*.

Вместе с вплетением политики в жизнь ей достаются также риск и борьба. Это, по всем прогнозам, не изменится и в будущем [6, S. 232—233]. Часто отказ от войны будет приводить к очень большим опасностям и напряженности. «Добродушия», которое Маркс обещал своим сторонникам после коммунистической революции, не может быть в политическом мире. Стремление к власти и престижу останется в роли доминирующей стихии, снова и снова будут создаваться предпосылки для борьбы за всегда ограниченные средства и ресурсы. Таким образом, мир никогда не станет полностью гарантированным — это условие политической активности постоянно находится под угрозой и может в долгосрочной перспективе также быть причислено к первостепенным целям политики.

* * *

В основе политики в философии Канта, как ее интерпретирует Герхардт, находятся, с одной стороны, разумная личность, с другой — обеспечение «жизненных интересов» и возможностей для «представлений о жизни», которые характеризуются преимущественно как разумные. Легитимными объявляются и притязания на «удовлетворение потребностей, исполнение желаний в обозримом будущем», на свободу «жить и искать счастья по своему разумению», будь то счастье в аристотелевском смысле или в смысле Нового времени [6, S. 209—210]. По-видимому, политика именно потому «больше, чем мораль и право», что ее принципы, как сказано в мирном трактате Канта, «должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состо-

янием) — истинная задача политики» [АА, VIII, S. 386]. Вероятно, политика должна создавать прежде всего формальные условия для решения этой задачи, а сам поиск счастья индивидуален. Как было упомянуто выше, полностью формализовать политику невозможно, но и «поиск счастья» — критерий формальный. Согласно более обстоятельным разъяснениям «Метафизики нравов»,

под благом государства подразумевается не благополучие граждан и их счастье — ведь счастье (как утверждает и Руссо) может в конце концов оказаться гораздо более приятным и желанным в естественном состоянии или даже при деспотическом правлении; под благом государства подразумевается высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум через некий категорический императив [АА, VI, S. 318].

Вопрос соотношения политики с эмпирическими стремлениями остается спорным в исследованиях рецепции философии Канта. Если полагать кантовский субъект «общественного договора» исключительно разумным, трансцендентальным, то введение «эмпирического базиса» и попытка определить универсальные условия «всечеловеческого поиска счастья» такими теоретиками современного контрактуализма, как Роулс, Нозик и Бьюкинен, является отходом от кантианства [1, с. 86–90, 97]. Но детальное сравнение формулируемых ими прав человека с принципами «частного права», названными Кантом, — отдельный вопрос, и точку в этом споре ставить рано. В любом случае, будь то отличие или сходство с другими либеральными теориями, «экзистенциальный либерализм» придерживается аутентичной трактовки места счастья в кантовской теории политики.

Аутентична трактовка кантовской теории и в других рассмотренных пунктах, которые наряду с систематизацией развивают, дополняют и обосновывают идеи Канта:

- при всей (потенциальной и актуальной) разумности людей политика нужна именно ввиду изначальной хаотичности общества;
- самоопределение в фундаменте подлинной политики и в высших проявлениях ее — в форме государственного суверенитета;
- укорененность общей воли в самопонимании, из которой следует принципиальная совместимость политики с моралью;
- политическая роль публичности и гласности, которые служат формированию общей воли и ограничению эгоизма самих политиков;
- мир как условие и цель политики;
- роль права.

Отдельно отметим интерпретацию тех положений, которые совсем не пояснил в своих текстах Кант:

- роль и содержание политического таланта;
- реформа как «исконное» для политики средство достижения свободы и соблюдения преемственности.

Так представлена кантовская теория политики в «экзистенциальном либерализме», и эта развернутая дополняющая интерпретация, при всей ее идеалистичности, апологетичности и нормативном характере, без сомнения, заслуживает внимания в современных политических дискуссиях.

Список литературы

1. Винокуров Е. Ю. На пути к вечному миру: философия Канта в современных дискуссиях о глобальном политическом устройстве. Калининград, 2002.
2. Arendt H. Was ist Politik? (Fragmente aus dem Nachlass 1950–1959). Vorwort ; München, 1993.
3. Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politischer Philosophie. München: Piper, 1982.
4. Ebbinghaus J. Kants Lehre vom ewigen Frieden und die Kriegsschuldfrage. Tübingen, 1929.
5. Gerhardt V. Existentieller Liberalismus / Hrsg. H. Wittwer. Berlin, 2009.
6. Gerhardt V. Immanuel Kants Entwurf "Zum ewigen Frieden": eine Theorie der Politik. Darmstadt, 1995.
7. Jaspers K. Kants „Zum ewigen Frieden“ // Wesen und Wirklichkeit des Menschen. Göttingen, 1957. S. 131–152.
8. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MS, 1971.
9. Sternberger D. Begriff des Politischen. Der Frieden als der Grund und das Merkmal und die Norm des Politischen. Frankfurt am Main, 1961.
10. Vollrath E. Grundlegung einer philosophischen Theorie des Politischen. Würzburg, 1987.

Об авторе

Зильбер Андрей Сергеевич – ст. преп. кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета, a-zilb@ya.ru

About author

Andrey Zilber – senior teacher, Department of Philosophy and Culturology, Kaliningrad State Technical University, a-zilb@ya.ru